

Когда в эти дни поднимаешься по парадной лестнице Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, то, еще не войдя в знаменитый белый зал, видишь издаലെка на торцовой стене «Прогулку» Марка Шагала. Скромные строения Витебска изображены с усердной точностью, но они располагаются на сферической земной тверди, словно на изгибе нашей планеты. Себя, молодую жену художник показал, вне всякого сомнения, портретно, но они по законам «обыкновенного чуда» вздымаются в воздух — это полет счастья, любви, красоты.

МЫ НЕ ЗНАЛИ ШАГАЛА...

Александр КАМЕНСКИЙ

ГЛЯДЯ НА ЭТУ КАРТИНУ, я поймал себя на мысли, что она, как ни странно, напоминает алтарный образ в старинном храме. И потому, что здесь так естественно смешаны земное и небесное, и в силу чеканной завершенности живописи. Когда-то при имени Марка Шагала прежде всего приходили на память всякого рода чудачества и парадоксы. Но сейчас они откатились куда-то в тень, на второй план, а господствующим впечатлением от творчества этого мастера оказывается классичность! Разумеется, новая, неведомая, тысячами нитей связанная с жизнью нынешнего века, но — классичность. Ибо что же и называть классикой изобразительного искусства, как не гармоничное соединение человечности идей и совершенства их выражения?

А ведь именно в таком ключе звучит — и с дивной, летучей музыкальностью! — все искусство Марка Шагала, каким представила его нынешняя выставка, открытая в связи со столетием со дня рождения мастера.

Весомая, солидная дата! И естественно было ожидать, чтобы в связи с ней повторяли или варьировали какие-то общепризнанные, устоявшиеся мнения.

Но на этот раз происходит нечто совершенно иное. Толпы зрителей, которые буквально осаждают музей (в очередь становятся с ночи!), видят художника, которого, в сущности, не знали по-настоящему: многие черты его творчества раскрываются с неожиданной и острой новизной.

НА ВЫСТАВКЕ, например, становится ясным, что живопись XX века не знала более тонкого и вдохновенного мастера любовной лирики, чем Шагал. Включенный в экспозицию его цикл «Любовников» (кстати сказать, почти неизвестный ни зрителям, ни даже специалистам — он показан тут впервые) — настоящее поэтическое открытие. Чувство любви предстает на картинах цикла в изумительном живописном обличье. «Зеленые любовники» чем-то напоминают мираж, ибо тончайшие цветовые оттенки охвачены игрой света, не подчиняющегося никаким оптическим законам: головы странно мерцают, в деталях полотна видны ослепительные вспышки, и это не блики освещения, но порывы чувства. А в «Голубых любовниках» любовь имеет цвет вечернего неба. Из его густого марева лики возлюбленных выступают не полностью, они принадлежат этой синеве, как живой материи их чувства.

Сколь ни поразительна красота и проникновенность подобных поэтических миниатюр Шагала, ими его любовная лирика вовсе не ограничивается. Он придал этому жанру неслыханную масштабность, связав с ним и гражданские идеи, и даже саму философию мироздания!

В самом деле, ведь что представляет собой фантастический и вместе с тем обескураживающе естественный полет молодых возлюбленных в картине Третьяковской галереи «Над городом»? Это гениально найденная форма вдохновения любви, которая дает людям беспредельно-счастливую власть над миром, над самим земным тэготением!

«Над городом» и некоторые дру-

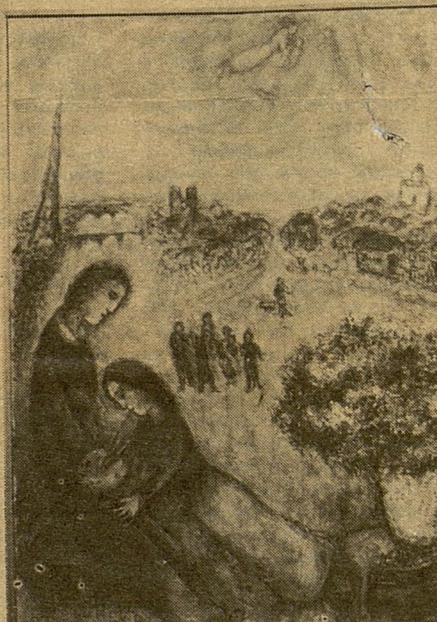
гие «полетные» картины Шагала с их поэзией всеохватного счастья написаны в годы русской революции. Было бы наивностью предполагать, что это случайное совпадение. Искусство может откликнуться на важные события времени при помощи сюжетных повествований, но оно обладает правом и на сугубо эмоциональный отклик, на поэтический перенос понятий. Недаром же Александр Блок писал в 1918 году о музыке революции, чьи звуки «вылетают из мирового оркестра». Марк Шагал в самом прямом и буквальном смысле придал своему искусству звучание «мирового оркестра», игра которого сообщает явлениям земной жизни подлинное величие, насыщает их отблесками космические дали, вводит в художественное действие «хоры стройные светил»...

ЭТУ НЕ ИМЕЮЩУЮ АНАЛОГИИ музыкально-живописную космогонию Марк Шагал привез с собой из России на Запад. И остался ей верен до последнего дыхания. В завершающем зале выставки, где расположены по преимуществу картины, написанные художником на излете жизни (две последние из них созданы в 97 лет!), поистине «любовь владеет миром». Она порождает ослепительные видения. Голубые, фиолетовые, розовые и иные цвета богатейшей палитры, пронизанные зыбким, таинственным светом, объемлют эти бесконечные миражные пространства, где в небесах проплывают влюбленные пары, играют задумчивые скрипачи, трубят ангелы, расцветают феерические в своей красочности нежнейшие букеты, кувыркаются и льнут к людям доверчивые животные и бог весть что еще происходит.

Он по-своему очень прост, этот мир. И в нем встречаются многие легко узнаваемые, реальные детали — Витебск и Париж, русские пейзажи и Эйфелева башня, современники и библейские персонажи, родные художника и он сам во множестве обличий. Но любое из поздних шагаловских полотен запечатлевает как бы часть вселенной, где звучит «музыка сфер» и чудо становится законом повседневного. Здесь все может соединиться со всем, время утрачивает обычные границы, впечатления сегодняшнего

Картины Марка Шагала, представленные на выставке: «Голубой ангел» (1930 г.), «Прогулка» (1917—1918 гг.), «Новобрачные на фоне Парижа» (1984 г.)

Фото Андрея КНЯЗЕВА.

дня живут на равных правах с далекими воспоминаниями.

ПО СУЩЕСТВУ, для художника правомочно только время памяти, которое любое событие трактует как нечто сиюминутное, происходящее на глазах. Одно из поздних полотен мастера так и называется — «Воспоминания художника»: он видит из сегодняшнего дня свою юность, милые сердцу витебские дома, невесту, пору любви и счастья. Все протяжение жизни обретает мечтательную романтичность, воспринимается как светлый праздник. Такое же смешение времен и образов отмечает картины «На двух берегах», «Художник над Витебском», «Новобрачные на фоне Парижа» да, впрочем, и любые другие произведения поздней эпохи работы художника, что бы они ни изображали.

ВЫСТАВКА позволяет понять, в чем же заключалось главное художественное открытие Марка Шагала, которое впервые дает себя знать в его произведениях русского периода и затем получает всестороннюю разработку в картинах заключительных десятилетий жизни мастера. Быть может, первым в истории

искусства он нашел глубокие и точные зрительные аналогии в внутреннем мире людей. Художник стал изображать не только то, что человек может непосредственно увидеть, но и то, что он вспоминает, о чем думает, мечтает, к чему стремится.

Таков мир Шагала, который представила нам его первая (и уже хотя бы в силу этого обстоятельства историческая) посмертная выставка. Его ощущение жизни при всей своей счастливой окраске всегда напоено своеобразной драматичностью — это закономерно и неизбежно для настоящего, чуткого искусства XX века. Однако над драмами жизни, волнениями духа у Шагала всегда властвует чувство нерушимой красоты мира, высокого предназначения человека. От конкретных национальных интонаций (каковы бы они ни были) Шагал всегда восходит к музыке общечеловеческого звучания.

Вот почему этот художник из России принадлежит ныне всему свету. Прекрасная выставка в Музее изобразительных искусств вернула Шагала его Родине и вместе с тем показала всемирное значение знаменитого художника.